

Алый - цвет закатов на Севере. Безумно прекрасных.

Алый - цвет моей судьбы. Узенькая тропка, вьющаяся над краем обрыва. Оступишься - упадешь вниз с головокружительной высоты.

Алый цвет... цвет гнева. От него чернеет перед глазами и ты перестаешь понимать, что происходит.

Алый... цвет крови. Крови на белом снегу. К горлу подкатывает тошнота. Во рту появляется металлический привкус и начинает кружиться голова.

Алый - цвет отчаяния. Срывая голос, зовешь кого-то. Словно это может оживить трупы.

Алый... Это цвет моих кошмаров.

Путники сидят у небольшого костра в дремучем лесу и греются. Ярко горящее пламя не дает при таком холоде достаточного тепла, но если сидеть и вовсе без него – очень легко замерзнуть. И, как правило, насмерть.

Собаки нетерпеливо взвизгивают и тявкают, чувствуя тепло и пытаясь подобраться к нему поближе. Вот только люди отгоняют их от костра, чтобы те случайно не попали в него и не обожглись. Ведь тогда они не смогут везти поклажу.

- Но-но! Не балуй! - Высокий могучий мужчина несильно охаживает их поводьями, слыша их недовольный лай.

- Как твоя жена, Асул? - спрашивает низенький взъерошенный старик, закутанный до ушей в теплую шубу, и подносит к губам фляжку, делая глоток. В такие жуткие морозы согреться можно было только так - выпив настойки из можжевельника. Говорили, что рецепт этого снадобья прятали за семью печатями. На это старик лишь понимающе хмыкал и отворачивался, пряча хитрую улыбку.

Для кого-нибудь, это снадобье и впрямь представляло загадку, но только не для него. Над производством этой настойки давно уже трудилась покойная жена. А теперь еще и дочь присоединилась. Та уж ничего не утаивала от отца.

- Неплохо. Скоро должна родить. - басом тянет Асул, распрямляясь во весь рост. Мужчина был богатырского роста и телосложения. Рост под два метра. Длинные белые волосы, затянутые в тугую косу. Фиолетовые глаза, пристально следившие за всем из-под лохматых бровей. Грубые черты лица, напоминающие собой скорее дерево, чем лицо человека.

- А говорят, она нагуляла... - говорит было старик и тут же закрывает рот, с испугом глядя на возвышающегося над ним мужчину. Взгляд того настолько страшен, что больше всего хочется скрыться от него и закопаться в снег, чтобы уж точно не нашел.

- Духи не допустили бы. - низко гудит мужчина и отходит, отворачиваясь. Хоть он и говорит уверенно, но в душе такой уверенности нет. Он не может знать наверняка, нагулял этого ребенка Миам или нет. Но как бы там ни было... Его он воспитает.

А если им было угодно, чтобы такой ребенок появился, то лучше с ними не спорить. Не стоит гневить духов. Не стоит. Они такого не прощают.

Никогда.

- Ох, благослови Атес. - вздыхает старик, делая очередной глоток из фляги. Он смотрит из под косматых бровей на темное-темное небо и хмыкает, на секунду прикрывая глаза. А потом командует. - Нужно срочно строить убежище. Если не успеем, буря грянет, и мы заведем быстрее, чем капли воды на морозе.

Асул молча кивает, спешно отправляясь к своим, чтобы раздать команды. Какая бы суровая жизнь не была, никто не хотел умирать вот так, здесь, недалеко от поселка, до которого осталось максимум пара верст.

- Спаси и сохрани, Согук. - бормочет он про себя, машинально сжимая на груди кулон с символом Бога холода и льда. Несмотря на то, что того ненавидили и боялись, ему у них на крайнем севере все равно молились, ведь не имело значения кого именно просить о том, чтобы тебе подарили спасение.

Если ты выживешь, какая разница, Атес тебя благословил или Согук благосклонно не заметил?

<http://tl.rulate.ru/book/35841/778025>